

Переход через Большой Хинган крупных подвижных соединений не знает себе равных в истории. Там, где не проходит двуколка, за три дня стремительного наступления пошли советские танки, создав условия для окружения основной группировки Квантунской армии в центральной Маньчжурии.

После капитуляции Квантунской армии силы Красной армии приступили к выполнению операций по установлению контроля над Курильскими островами, которые в соответствии с Ялтинскими договоренностями должны были перейти под контроль Советского Союза. Японские гарнизоны на островах были не в состоянии сдержать натиск Красной армии, благодаря чему к 1 сентября все острова оказались под контролем советских войск.

Таким образом Советское командование показало верх военного искусства, доказав, что советские солдаты и техника приспособлены выполнять поставленную задачу в любых условиях.

Список литературы

1 История Второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. / гл. ред. комис. А. А. Гречко (пред.) [и др.]. – М. : Воениздат, 1973–1982. – Т. 9 : Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии / авт. кол.: М. И. Семиряга (рук.), И. И. Шинкарев, А. С. Аветян [и др.]. – 1978. – 576 с.

2 Великая Отечественная война Советского Союза. 1941 – 1945 гг.: краткая история / Н. И. Анисимов, П. П. Богданов, Е. Ю. Богуш [и др.]; ред. комис.: П. Н. Поспелов (пред.) [и др.]. – М. : Воениздат, 1967. – 621 с.

УДК 355.257.72(476)

ПРЕСТУПНАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

Е. С. ОСТРОВУХ

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
Республика Беларусь*

Преступные нарушения законов и обычаев войны, совершаемые нацистской Германией в годы Второй мировой войны, повлекли за собой неисчислимые страдания и гибель миллионов людей. Совершенные зверства не являлись единичными случаями, обусловленными недисциплинированностью отдельных военнослужащих или подразделений вермахта. Напротив, эти злодеяния носили систематический и целенаправленный характер, являясь следствием заранее разработанных директив и приказов, исходящих от высшего политического и военного руководства Третьего рейха.

Трансформация подходов немецко-фашистского командования к вопросам содержания советских военнопленных обнаруживала очевидную взаимосвязь с изменением общей военно-стратегической обстановки в ходе Второй мировой войны, при этом наиболее значимое влияние оказывала ситуация, складывавшаяся на советско-германском фронте. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на отдельные изменения в методах реализации, общая направленность данной политики оставалась неизменной и всецело подчинялась стратегическим установкам, которые преследовало гитлеровское правительство в войне против СССР [1, с. 12].

Изучение подготовительных мероприятий, осуществленных германским военно-политическим руководством накануне агрессии против Советского Союза, в части, касающейся организации процесса обращения с будущими военнопленными (включая аспекты их транспортировки, размещения, обеспечения питанием, привлечения к работам и общего режима содержания), в условиях расчетов на молниеносную победу, позволяет выявить определенную закономерность. Планирование носило откровенно утилитарный характер и было сфокусировано не на создании инфраструктуры, гарантирующей сохранение жизни и здоровья огромного количества военнопленных, а на решении сугубо прагматических задач. Ключевыми приоритетами являлись извлечение максимальной экономической пользы от использования труда пленных в интересах вермахта и германской военной машины, а также предотвращение любых возможных осложнений оперативного характера, которое могло повлечь за собой массовое наличие военнопленных в прифронтовой полосе и тылу. Следовательно, вопросы, связанные с организацией нормального жизнеобеспечения, соблюдением элементарных санитарных норм и правовых стандартов обращения с пленными, изначально не рассматривались в качестве первостепенных. Они были сознательно принесены в жертву военно-хозяйственным соображениям и задаче поддержания высоких темпов наступления германских вооруженных сил. Такой подход закладывал основу для последующего массового уничтожения советских военнослужащих, оказавшихся в плену, путем создания для них заведомо невыносимых условий существования [2, р. 46].

Отношение нацистской Германии к военнопленным из различных стран определялось сложным переплетением идеологических, политических и военно-стратегических факторов. Ключевую роль в формировании политики обращения с пленными играла национал-социалистическая расовая доктрина, определявшая иерархию народов и, соответственно, степень «ценности» военнопленного. Наряду с этим на решения германского руководства влияли опасения относительно возможной эскалации репрессий против немецких военнослужащих, находящихся в плену у стран антигитлеровской коалиции. Деятельность Международного комитета Красного Креста (МККК) и держав-покровительниц, призванных контролировать соблюде-

ние прав военнопленных, была существенно затруднена и ограничена. Однако в отношении советских военнопленных указанные соображения и потенциальные сдерживающие факторы были практически нивелированы политическим и военным руководством Третьего рейха, что обусловило беспрецедентно жестокое обращение и высокую смертность среди этой категории пленных [2, р. 48].

Накануне вторжения в Советский Союз, в марте 1941 г., высшее командование вермахта инициировало серию совещаний, посвященных вопросам организации лагерей для советских военнопленных и регламентации обращения с ними. Начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного командования, генерал Рейнеке, представил доклад, обосновывающий необходимость дифференцированного подхода к советским пленным. Данный подход базировался на идеологической интерпретации предстоящего конфликта как столкновения двух антагонистических мировоззрений: национал-социализма и большевизма. В его интерпретации советский военнослужащий (красноармеец) не мог рассматриваться в рамках общепринятых норм, применимых к военнопленным западных держав. Советские солдаты и офицеры были представлены как «идеологические враги», «смертельные враги национал-социализма», что, по мнению Рейнеке, требовало «соответствующего обращения». Подобная риторика фактически легитимизировала политику массового уничтожения советских военнослужащих, оказавшихся в немецком плену, что впоследствии было реализовано на практике [3, с. 68].

В преддверии начала Великой Отечественной войны, в рамках стратегического планирования операции «Барбаросса», высшее военное руководство Германии уделяло пристальное внимание вопросам, связанным с потенциальным захватом значительного числа советских военнослужащих. Так, на одном из совещаний генерал Рейнеке представил доклад, в котором акцентировалось внимание на предполагаемом нападении Германии на Советский Союз, запланированном на начало лета 1941 г. В контексте этого прогноза была озвучена острая необходимость заблаговременной подготовки инфраструктуры для содержания советских военнопленных [1, с. 23].

Особое беспокойство вызывал вопрос обеспечения надлежащих условий содержания. В докладе Рейнеке подчеркивалось, что в случае невозможности оперативного возведения стационарных лагерей с крытыми бараками на местах допускалось применение временных, упрощенных мер. В частности, указывалось на возможность организации мест для содержания русских военнопленных под открытым небом с применением лишь ограждений из колючей проволоки. Данное положение свидетельствует о приоритете размещения военнопленных над обеспечением их базовых потребностей в условиях ограниченности времени и ресурсов [4, р. 211].

Дальнейшая эволюция указанных директив была зафиксирована в приказе от 16 июня 1941 г., получившем наименование «Организация вопросов,

связанных с содержанием и обращением с военнопленными по плану «Барбаросса». Данный документ устанавливал детальные нормы для формирования лагерей, предназначенных для советских военнопленных, на стратегически значимых территориях: в Восточной Пруссии и в пределах генерал-губернаторства Польши. Особо следует отметить предписание о максимальном заполнении этих лагерей пленными, что имплицитно предполагало создание условий высокой концентрации содержания [4, р. 212].

В рамках данного документа также определялся регламент последующего перемещения военнопленных. Было установлено, что отправка избыточных контингентов в стационарные лагеря, расположенные на территории самого Рейха, допускалась исключительно по получении специального распоряжения от Главного штаба вермахта. Данное положение свидетельствовало о первоначальном намерении задействовать прифронтовые зоны для оперативного размещения максимального числа захваченных военнослужащих.

Структура управления вопросами, связанными с военнопленными, была четко регламентирована в зависимости от географической зоны дислокации. В зонах непосредственных боевых действий и прилегающих к ним тыловых районах ответственность за военнопленных возлагалась на Главное командование сухопутных войск (ОКХ). Параллельно, на территории Рейха, в генерал-губернаторстве Польши, а также в регионах, находящихся под юрисдикцией командующих войсками имперских комиссариатов на Востоке, надзор и управление осуществляло Верховное главнокомандование вооруженных сил (ОКВ). Подобное распределение полномочий свидетельствовало о комплексном подходе к управлению значительным контингентом военнопленных и стремлению к обеспечению всестороннего контроля [5, с. 12].

В контексте Второй мировой войны, особенно на ранних стадиях конфликта, имела место широкомасштабная и систематическая практика перемещения военнопленных из зон активных боевых действий в тыловые регионы. Данный процесс требовал сложной логистики и многоуровневой системы управления, направленной на обеспечение как безопасности, так и последующей эксплуатации пленных военнослужащих.

Первоначальная передача военнопленных осуществлялась из сферы непосредственного командования сухопутных сил в ведение Главного штаба вермахта. Ключевыми звеньями в этой цепи являлись сборные пункты военнопленных и пересыльные (этапные) лагеря, известные под немецким наименованием «дулагы». Эти учреждения выполняли функцию временного размещения и сортировки пленных перед их дальнейшим распределением. Из дулагов военнопленные направлялись в стационарные лагеря, предназначенные для длительного содержания. Для рядового и сержантского состава были предусмотрены «шталаги», а для офицерского корпуса – «офлагы» [6, р. 31].

Изменение подходов к организации лагерной сети в прифронтовых районах восточного театра военных действий было продиктовано совокупно-

стью объективных обстоятельств. Первостепенным фактором выступила беспрецедентная численность советских военнослужащих, попавших в германский плен на первом этапе войны. Столь массовый поток пленных требовал развертывания соответствующей системы приема, размещения и контроля. Во-вторых, остро проявилась проблема катастрофической нехватки рабочих рук в частях вермахта, действовавших на советско-германском фронте. Данная потребность многократно возросла после краха плана молниеносной войны, когда немецкому командованию стало очевидно, что конфликт приобретает затяжной характер и требует мобилизации всех доступных трудовых ресурсов. Привлечение военнопленных к работам стало одним из инструментов покрытия образовавшегося дефицита. Помимо этого, существенную роль сыграли чисто практические сложности, связанные с транспортировкой огромных масс людей в условиях поврежденной инфраструктуры и активных боевых операций. Совокупность этих причин обусловила поиск оккупационными властями новых, более прагматичных моделей управления лагерным хозяйством [7, с. 12].

Важно отметить, что еще до развязывания военных действий против Советского Союза германским верховным командованием были отданы распоряжения, заранее обрекавшие на физическое уничтожение отдельные категории бойцов и командиров Рабоче-крестьянской Красной армии. На состоявшемся 30 марта 1941 г. совещании с высшим командным составом вермахта А. Гитлер изложил идеологические основания предстоящей кампании как войны на истребление, впервые публично указав на необходимость ликвидации так называемых «носителей большевистской идеологии», к которым были отнесены в том числе «политические комиссары и коммунистическая интеллигенция» [8, с. 27].

С точки зрения действовавших международно-правовых норм военные комиссары, являясь полноправными представителями вооруженных сил, подлежали защите в случае пленения. Сложившаяся практика международных отношений требовала распространения на них статуса военнопленных со всеми вытекающими гарантиями. Однако в разработанном Главным командованием сухопутных сил и утвержденном верховным командованием вермахта проекте указаний по обращению с политическим составом содержались прямые указания, противоречащие этим нормам. Согласно данному документу, «политические работники в войсках не признаются военнопленными и подлежат ликвидации в кратчайшие сроки, не далее пересыльных лагерей; их перевод в тыловые районы категорически запрещен». Таким образом, данная политика демонстрировала не только пренебрежение к международным нормам, но и целенаправленное стремление к уничтожению определенных групп населения, что подчеркивало жестокость и идеологическую одержимость нацистского режима [2, р. 47].

6 июня 1941 г., за две недели до начала военных действий, верховное командование германских вооруженных сил обнародовало секретный до-

кумент под названием «Указания по обращению с политическими комиссарами». В этом предписании содержалось категорическое требование о немедленной идентификации и изоляции политработников Красной армии непосредственно в зоне боевого соприкосновения. Директива предписывала физическое уничтожение выделенной категории лиц после их отделения от основной массы военнопленных [2, р. 48].

Принципиально важным аспектом данного распоряжения являлось его распространение не только на военнослужащих политического состава, но и на гражданских лиц, занимавшихся политико-воспитательной работой. Особую тревогу вызывает положение документа, согласно которому для применения крайних мер было достаточно субъективного предположения о враждебных намерениях со стороны комиссара.

Сопроводительное письмо, подписанное главнокомандующим сухопутными войсками Вальтером фон Браухичем, детализировало порядок исполнения приказа. В нем предписывалось осуществлять ликвидацию «силами армейских подразделений после обеспечения изоляции, за пределами зоны видимости противника, скрытно, по распоряжению офицерского состава». На практике это приводило к немедленным расстрелам на месте захвата после установления политического статуса военнослужащего. На сборных пунктах и в пересыльных лагерях выявленные политработники уничтожались после поверхностного допроса силами регулярных частей вермахта [2, р. 49].

В армейском тылу к карательным операциям подключались формирования СС, что свидетельствует о межведомственной координации в реализации преступной директивы. Систематический характер уничтожения политического состава Красной армии демонстрирует идеологическую обусловленность военных действий на Восточном фронте и сознательное нарушение базовых принципов ведения войны [3, с. 51].

Аналитические отчеты командного состава вермахта за 1941 г. последовательно отмечали усиление сопротивления советских войск по мере распространения информации о нарушениях норм обращения с военнопленными. В донесениях особо подчеркивалась прямая зависимость между жестокостью в отношении военнопленных и ожесточением боевых действий. Факты расправ над комиссарами и бесчеловечного обращения с пленными красноармейцами, по оценкам немецких командиров, существенно снижали вероятность массовой сдачи в плен и укрепляли решимость советских войск к сопротивлению [1, с. 62].

Осознание неотвратимости гибели в плену становилось значимым мобилизирующим фактором для личного состава Красной армии. Многочисленные свидетельства указывают, что информация о судьбе комиссаров и особом порядке обращения с политическим составом целенаправленно доводилась до советских военнослужащих через различные каналы, включая пропагандистские материалы и свидетельства бежавших из плена. Эти свидетельства, зачастую носящие характер личных рассказов и описаний,

формировали у военнослужащих Красной армии стойкое представление о неизбежности репрессий и насилия в случае попадания в руки противника.

В контексте этих данных, в высших эшелонах германского военного командования возникла дискуссия относительно оптимальных методов реализации политики обращения с советскими военнопленными. Для минимизации риска раскрытия истинного характера «особого обращения» и предотвращения его негативного влияния на моральный дух и боеспособность Красной армии предлагалось проводить соответствующие мероприятия в лагерях, расположенных в глубоком тылу. Предполагалось, что такая дислокация лагерей, удаленная от линии фронта, позволит ограничить утечку информации о реальных условиях содержания и масштабах репрессий, тем самым снизив уровень осведомленности советских военнослужащих и, как следствие, потенциал для усиления сопротивления [6, р. 38].

Задолго до развертывания боевых операций на советской территории, шеф Главного управления имперской безопасности Р. Гейдрих санкционировал создание четырех специальных оперативных формирований (Einsatzgruppen SS), предназначенных для выполнения особых задач в восточных регионах. Эти мобильные группы, осуществлявшие продвижение вслед за частями регулярной армии, проводили планомерное уничтожение представителей коммунистической партии, еврейского населения и иных категорий граждан, классифицированных как «нежелательные элементы» согласно расовой и политической доктрине нацизма. Конечной целью данных мероприятий провозглашалась «зачистка» занятых земель для последующей германской колонизации [6, р. 61].

16 июля 1941 г. между высшим военным командованием и руководством РСХА было заключено формальное соглашение о взаимодействии армейских подразделений и оперативных групп. Изданный на следующий день боевой приказ № 8 возлагал на формирования СД задачу по выявлению в транзитных и стационарных лагерях военнопленных тех политработников и комиссаров, которые избежали уничтожения на передовой и сборных пунктах. Начальникам лагерей вменялось в обязанность оказывать полное содействие оперативным группам в реализации «политической миссии» – нейтрализации «большевистских агитаторов» и закрепления германского контроля над захваченными областями. Как справедливо отмечает исследователь К. Штрайт, июльский приказ 1941 г. ознаменовал новый этап в ужесточении политики физического устранения идеологических противников, концепция которого разрабатывалась с весны того же года [1, с. 24].

Дополнительная директива от 21 июля 1941 г. содержала важные уточнения: казни предписывалось проводить вдали от лагерной зоны, избегая публичности, и обеспечивать немедленное сокрытие следов путем захоронения тел. Это распоряжение демонстрирует стремление преступников скрыть свидетельства своих злодеяний [5, с. 78].

В лагерях, подконтрольных верховному командованию вермахта, после публикации приказа № 8 «отсев» неугодных узников осуществлялся подвижными командами СД. Отобранные жертвы либо уничтожались на месте, либо переправлялись в концентрационные лагеря метрополии (Дахау, Заксенхаузен, Освенцим), где становились объектами испытаний новых способов массового умерщвления, включая применение отравляющих веществ. Германское руководство прилагало значительные усилия для предотвращения утечек информации о массовых расправах над военнопленными как среди собственного населения, так и за линией фронта [8, с. 101].

Исторический анализ механизмов репрессивной политики сохраняет свою актуальность в контексте изучения институциональных предпосылок массового насилия. До октября 1941 г. вермахт сохранял прямую оперативную ответственность за фильтрацию и последующее уничтожение советских военнопленных, отнесенных к категории «нежелательных» в прифронтной полосе. Данный факт находит документальное подтверждение в регулярных отчетах воинских частей, где наряду со статистикой расстрелянных и умерших узников отдельной графой фиксировалась передача лиц в распоряжение службы безопасности (СД) – что являлось эвфемизмом их физической ликвидации [7, с. 112].

С октября 1941 г. командование сухопутных войск инициировало унификацию карательной практики, распространив на фронтовые зоны процедуры, ранее апробированные в тыловых лагерях вермахта. Это привело к институционализации системы регулярных «зачисток» лагерей силами оперативных команд, при которой военные власти осуществляли предварительную сегрегацию жертв для последующей передачи их карательным подразделениям [5, с. 99].

Значимым аспектом является дифференциация в обращении с различными категориями жертв. Если уничтожение политработников и коммунистов было детально регламентировано директивами, то в отношении военнопленных еврейской национальности сохранялась правовая неопределенность. Отсутствие явных приказов об их тотальном истреблении компенсировалось действием идеологических установок, побуждавших командиров к «инициативному» применению репрессивных практик. Распоряжение Гейдриха от 17 июля 1941 г., предписывавшее выявление евреев как нежелательных элементов, на практике интерпретировалось как санкция на их физическое уничтожение – особенно учитывая синхронные операции айнзацгрупп против еврейского гражданского населения. Политика нацистской Германии в отношении советских военнопленных еврейской национальности являлась прямым следствием общего курса Третьего рейха по «еврейскому вопросу». В отчетах оперативных групп отмечалось, что судьба евреев среди советских военнопленных определялась в соответствии с директивой Р. Гейдриха от 29 октября 1941 г. [6, р. 143].

В ходе Нюрнбергского процесса командир айнзатцгруппы «Д» Отто Олендорф свидетельствовал о систематическом устранении из лагерей и последующих расстрелах евреев и политических комиссаров Красной армии на протяжении всей кампании на Восточном фронте. В развитие этой политики 8 сентября 1941 г. Главное командование вермахта издало «Распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных». Этот документ унифицировал и ужесточил ранее существовавшие директивы ОКВ, касающиеся обращения с советскими военнопленными, и сопровождался подробной инструктивной памяткой для личного состава охранных подразделений. Среди ключевых нововведений, введенных распоряжением, следует выделить положения об использовании советских военнопленных на работах, подконтрольных вооруженным силам. Они привлекались к труду в составе изолированных команд, с обеспечением их «строжайшей изоляции от гражданского населения и военнопленных других национальностей». Также предусматривалось формирование внутренней лагерной полиции из числа советских военнопленных в лагерях и крупных рабочих командах. Эта полиция, вооруженная дубинками и другими подобными средствами, была призвана поддерживать порядок и дисциплину [2, р. 87].

На начальном этапе Второй мировой войны, характеризовавшемся успешными наступательными операциями вермахта в Западной Европе, Германия не сталкивалась с системной нехваткой рабочей силы. Однако кардинальное изменение ситуации произошло после срыва плана молниеносной войны против Советского Союза, когда конфликт приобрел затяжной характер и потребовал тотальной мобилизации экономических ресурсов [3, с. 139].

Примечательно, что первоначальные стратегические разработки относительно использования трудовых ресурсов на оккупированных территориях СССР исключали масштабное привлечение советских военнопленных в промышленность Рейха. Исключения составляли лишь работы по обеспечению непосредственных нужд вермахта и оккупационных администраций. Однако уже в первые месяцы войны сложилась практика принудительного привлечения военнопленных к работам в прифронтовой полосе, где они использовались на восстановлении коммуникаций, разбое завалов, сооружении временных укреплений и других задачах, связанных с поддержанием боеспособности германских войск [1, с. 435].

Коренным перелом в нацистской политике произошел осенью 1941 г., когда труд советских военнопленных начал активно использоваться в ключевых отраслях военной промышленности как на оккупированных территориях, так и в самой Германии. Парадоксальным образом это решение было принято на фоне катастрофической смертности среди лагерного контингента: по данным германского командования, к февралю 1942 г. порядка 60 % военнопленных, захваченных в 1941 г., уже погибли вследствие целена-

правленного уничтожения «нежелательных элементов» и чудовищных условий содержания. Сложилась противоречивая ситуация: с одной стороны, потребность в рабочей силе стремительно росла, с другой – сама система обращения с военнопленными целенаправленно уничтожала человеческие ресурсы [4, р. 223].

В связи с изменением стратегической ситуации на Восточном фронте и сокращением числа советских военнослужащих, попадавших в плен, возможности пополнения контингента военнопленных для нужд Германии существенно снизились. Одновременно с этим, в 1942 г. в германской промышленности остро проявился дефицит трудовых ресурсов. Данное обстоятельство вынудило германское руководство пересмотреть свою политику в отношении советских военнопленных. Изначальная политика, ориентированная на физическое уничтожение, была трансформирована в систему принудительного труда. Этот переход был обусловлен осознанием ценности военнопленных как источника рабочей силы, необходимой для поддержания функционирования военной экономики [6, р. 342].

Привлечение советских военнопленных к труду в германской промышленности потребовало разработки нормативных актов, регламентирующих их содержание и использование. Однако, несмотря на это, отношение к военнопленным, задействованным на промышленных предприятиях, определялось приоритетом максимальной производительности. В случае проявления небрежности, лени или непокорности предписывалось применение жестких мер воздействия. Утрата трудоспособности вследствие инвалидности рассматривалась как основание для ликвидации военнопленного. Таким образом, эксплуатация советских военнопленных носила бесчеловечный характер и была направлена на достижение максимальной экономической выгоды в условиях военного времени [4, р. 228].

Эксплуатация принудительного труда советских военнопленных стала системообразующим элементом экономики нацистской Германии в период войны. Труд заключенных применялся в стратегически важных отраслях: на предприятиях военно-промышленного комплекса, обслуживавших сухопутные и военно-воздушные силы, в добывающей промышленности (рудники и нефтепромыслы), в военно-строительных организациях (в частности, в организации Тодта), а также в металлургической и машиностроительной промышленности. Привлечение военнопленных к работам, направленным на усиление военного потенциала государства, против которого они воевали, представляло собой грубое нарушение положений Гаагской и Женевской конвенций [5, р. 300].

На оккупированной территории СССР военнопленные привлекались к работам в строительных и восстановительных командах, на железнодорожных объектах, в ремонтных мастерских боевой техники и на предприятиях оборонного значения. Несмотря на попытки нацистской пропаганды пред-

ставить это как «добровольную помощь», реальность заключалась в системе принудительного труда под вооруженной охраной, что являлось прямым нарушением международных правовых норм [8, с. 453].

В январе и июле 1942 г. верховное командование вермахта издало приказы о клеймении советских военнопленных «особыми долговременными знаками». Эта мера преследовала как практические цели (облегчение идентификации беглецов), так и психологические (унижение и деморализация). Однако оба распоряжения были вскоре отменены. Примечательно, что система опознавательных знаков (нашивок) продолжала применяться в концентрационных лагерях для различных категорий узников, включая политических заключенных, евреев и иностранных рабочих [5, с. 341].

Таким образом, политика нацистской Германии в отношении советских военнопленных представляла собой сложный синтез идеологической доктрины и экономического прагматизма. Изначально основанная на расовой теории и концепции «войны на уничтожение», она была направлена на физическую ликвидацию миллионов людей, объявленных «недочеловеками» и «идеологическими врагами». Однако ход войны внес коррективы: экономические интересы рейха потребовали сохранения жизни части пленных для их эксплуатации в качестве рабской рабочей силы. Эта эволюция от прямого истребления к эксплуатации на уничтожение не меняла преступной сущности политики, которая на всех ее этапах являлась грубейшим нарушением норм международного гуманитарного права (Гаагских и Женевских конвенций) и квалифицируется как военное преступление и преступление против человечности. Анализ приказов ОКВ, ОКХ и СД не оставляет сомнений в системном, заранее спланированном и целенаправленном характере этих действий, санкционированных на самом высоком государственном уровне.

Список литературы

1 **Штрайт, К.** Вермахт и советские военнопленные 1941–1945 / К. Штрайт ; пер. с нем. – М. : Рус. панорама, 2019. – 512 с.

2 **Krausnick, H.** Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942 / H. Krausnick, H.-H. Wilhelm. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1981. – 720 p.

3 **Ковалев, Б. Н.** Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944 / Б. Н. Ковалев. – М. : АСТ, 2017. – 544 с.

4 **Streit, C.** The Wehrmacht and the National Socialist Killing of Soviet Prisoners of War / C. Streit // The Wehrmacht: History, Myth, Reality / ed. by W. Wette. – Cambridge : Harvard University Press, 2006. – P. 211–229.

5 **Датнер, Ш.** Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне / Ш. Датнер ; пер. с польск. – М. : Изд-во иностран. лит., 1963. – 458 с.

6 **Herbert, U.** Hitler's Foreign Workers: Enforced Foreign Labor in Germany under the Third Reich / U. Herbert – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 528 p.

7 Семиряга, М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах / М. И. Семиряга. – М. : Юрид. лит., 1991. – 288 с.

8 Шнеер, А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945 / А. Шнеер. – М. : Мосты культуры, 2020. – 624 с.

УДК 94(44)

ВЫСАДКА СОЮЗНЫХ ВОЙСК В НОРМАНДИИ: ОПЕРАЦИЯ «ОВЕРЛОРД» 1944 ГОДА

В. В. ПЕТРУСЕВИЧ, А. А. СТЕПАНЕНКО

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

К середине 1944 года положение воюющих государств и коалиций существенно изменилось. Советские войска нанесли крупные поражения вермахту на восточном фронте и приближались к жизненно важным центрам противника. США и Англия активизировали действия своих войск и добились успеха на других фронтах. Ситуация для Германии резко ухудшилась. Немецкое командование предвидело неизбежность продолжения наступления советских войск и стремилось создать мощную оборону на наиболее опасных направлениях, держало здесь основные силы вермахта.

Положение Германии ухудшалось также из-за реальной перспективы скорой высадки американско-английских войск во Франции. Линия обороны немецких войск на западном фронте проходила по побережью Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, далее шла по южному побережью Франции, южнее Рима пересекала итальянскую территорию, продолжалась по побережью Югославии, Албании и заканчивалась в Греции [3].

Исходя из своих замыслов, оценки обстановки и перспектив военных событий, противоборствующие коалиции развернули подготовку к боевым действиям в летний период 1944 года.

США и Англия, используя благоприятные условия, приступили к подготовке высадки своих войск в Северной Франции (операция «Оверлорд») и вспомогательного удара в Южной Франции (операция «Энвил»). Штаб верховного командующего вооруженными силами в Британии был превращен в верховный штаб союзных экспедиционных сил. Американский генерал Д. Эйзенхауэр был назначен верховным командующим этими силами.

План действий экспедиционных сил союзников в операции «Оверлорд» состоял в том, чтобы высадить войска на побережье Нормандии, захватив плацдарм, и, накопив силы и материальные ресурсы, предпринять наступление в восточном направлении с целью занять территорию Северо-Восточной Франции [3]. В дальнейшем экспедиционным силам предстояло,